

У Томаса Бернгарда, австрийского писателя, отмеченного недавно пятидесятилетием, — слава крупнейшего прозаика и драматурга современной Австрии.

Томас
БЕРНГАРД
(АВСТРИЯ)

Хорошо помню собственное впечатление от Бернгарда, с которым я увиделся в Вене два года назад. Он несильно болезненно замкнут, самоуглублен, неразговорчив, но в то же время нельзя не увидеть в нем глубокую нежность к миру, — говоря словами русского поэта, «ласковый испуг» перед ним, — доброту и вместе с тем непреклонность. После встречи с Бернгардом я отправился в знаменитый венский Художественно-исторический музей и провел несколько часов в зале, где выставлены полотна Брейгеля. Сейчас, знакомясь с русским переводом публикуемого рассказа, я вдруг увидел, что произведение это как бы наполнено брейгелевским светом: заставляющая и не всегда красивая правда жизни, преобразованная властью искусства. Стало вдруг отчетливо видно, что Бернгард любит своего

неунывающего калену, подобно тому как Брейгель любил своих калин-слепоцов.

Как бы ни был печален мир Бернгарда (а в большинстве его произведений на первом плане — горькая правда), этот мир не вызывает в нас отчаяния, потому что укоренен в самой жизни. Бернгард — истинный сын австрийской традиции, которую еще Штифтер в прошлом веке определил в формуле «мягкий закон». То есть закон гармонии, не готически вознесенной, а оброщенной к действительности — земной. Следуя этой традиции Бернгард видит свою миссию художника во врачевании социального зла, а чтобы врачевать, необходим, как известно, прежде всего точный диагноз.

И в романах — таких, как «Стужа» (1963). «Помеша-

тельство» (1967), «Причина» (1975), и в многочисленных рассказах, пьесах Бернгард безжалостно и упорно нажимает на один и тот же больной нерв, разоблачая губительную выхолащивающую душу власть денег, разобщенность, нигилизм, доведенный до бессмыслицы. Некоторые зарубежные критики именуют стиль Бернгарда «маниакальным», а самого писателя даже называют «мономаном». Но стоит пристальнее взглянуть в любое его произведение, хотя бы в такой короткий этюд, как «Винтор Полдурек», и тут же заметишь, что за внешне уродливыми фигурами яственно проступает подлинный гуманизм автора, его неприятие зла и насилия.

...Томас Бернгард. Это имя звучит по-русски впервые. И право же, стоит поблагодарить за знакомство с ним одного из самых известных наших переводчиков — Риту Яновлеву Райт-Ковалеву. Читатель, вероятно, увидит в герое Бернгарда не только калену, рвавшегося на отчаянный поступок, а гораздо большее — человека с его болью и с неугасимой верой в жизнь.

Юрий АРХИПОВ

Виктор Полдурек

РАССКАЗ

ПРЕДСТАВЬТЕ себе, что на этого человека — звали его Виктор Полдурек, он был инвалид, безногий, — я налетел вчера ночью, на высокогорной тропе, в лесу. Спешил я изо всех сил, не только преодолевая мою обычную ленцу, — ведь я еще и врач. Один мой сосед — не пациент, здоровый, — попросил меня пойти к его больному родственнику в Фёдинг (это по другую сторону нашей горы), потому что у этого родственника внезапно начались мозговые явления, и хотя во всех медицинских учебниках описана жуткая картина этого заболевания, причину до сих пор еще никто объяснить не может. Короче говоря, я помчался к своему пациенту в гору, через лес, по глубокому снегу — альпинист я, как известно, первоклассный, и вдруг в самой чащобе наткнулся на этого Виктора Полдурака и, конечно, здорово испугался.

«Это я, Виктор Полдурек!» — крикнул он, когда я на него наткнулся, а я-то его до тех пор и в глаза не видал. «Мне паровозом ноги отрезало!» — закричал он, когда я заметил, что он безногий, и так крикнул, будто с ним, беднягой, эта напасть только что приключилась. Но я сразу подумал: какой тут в горах, в снегу поезд, тут и рельсов никаких не проложишь, да я ничего и не слышал — ни крика, ни голосов человеческих. Правда, этот Полдурек сразу добавил: «...да, уже восемь лет прошло, как эта беда стряслась». А лежит он тут, в лесу, на тропе, потому что оба его ноги, оба протеза сломались. «И, видно, оттого, что я вдруг подумал — дай побегу побыстрее, попробую, — рассказывал этот Виктор Полдурек, — тут они и сломались. Забыл я совсем, что ноги у меня не свои, а деревянные, вдруг показалось, что они опять мои собственные!» Очень был рад, что тут человек встретился — это он про меня, — и еще говорит, что он, хоть и в темноте, сразу понял, какой я симпатичный: это ведь чувствуется по голосу, по походке. «Да если бы вы не появились, — говорит мне этот самый Виктор Полдурек, — я бы наверняка погиб, да еще такой страшной смертью. Сами знаете, нет ничего хуже, чем замерзнуть насмерть».

Когда я ему сказал, что я врач, этот человек — а я должен вам признаться, что меня в ту минуту больше, чем его состояние, его беда, занимало его имя — надо же, — «Полдурек», — этот самый Полдурек ужасно обрадовался, что я врач, а не электрик, не строитель, не пекарь и не пахарь. Тут я его спросил, как это он попал в самую лесную чащу да еще в такую непогоду, когда и здоровому человеку грозит гибель, к тому же ночью, в двенадцатом часу, и он мне объяснил, что всего час тому назад он побился об заклад с одним мельником — тот живет в Трайхе, по нашу сторону горы, — а Полдурек хоть и слы-

Рисунок И. ПАНКОВА

шал про него много лет, но раньше никогда не видел. И этот самый мельник из Трайха держал с ним пари на целых восемьсот шиллингов (а это цена пары самых лучших хромовых сапог от самого лучшего нашего сапожника, и он, Полдурек, уже лет десять мечтал о таких сапогах), — словом, мельник поспорил с ним, что если Полдурек выйдет из Трайха ровно в одиннадцать вечера, то он к полуночи до Фёдинга ничем не доберется. За один час он на своих деревяшках никак не доберется — через гору, по лесу, особенно зимой, да еще в такой холод, в такую морозную ночь. Он, Полдурек, и сам не верил, что к двенадцати дойдет до Фёдинга, и все-таки («ведь вот я какой безмозглый!») решил, что надо попытаться, не стоит зря упускать такой удачный случай хорошо подзаработать, вот он и вышел из Трайха, как было условлено, ровно в одиннадцать вечера. Мельник сам его предупредил, что он может замерзнуть, говорил, что страшнее такой

смерти быть ничего не может («и ведь чуть так и не вышло, как предсказывал мельник!»). И хотя теперь он, Полдурек, наверняка проиграл пари, но благодаря мне он уже насмерть не замерзнет. И тут еще ему такое счастье привалило, что спас его из такого жуткого положения («в котором, — как он выразился, — есть, конечно, и своя смешная сторона, как, впрочем, и во всем на свете») — спас его именно врач, представитель, как он подчеркнул, «благородной медицинской профессии, настоящий доктор».

Я его поднял, отряхнул с него снег и увидел, что оба его протеза сломаны как раз посередине, именно там, где обычно ломаются протезы. Не раздумывая, я поднял его на плечи, потому что мне надо было торопиться к моему больному. Конечно, мне легче было бы нести его без этих деревяшек, но мы оба никак не могли отстегнуть примерзшие пражки. Сломанные протезы примерзли к его культяпкам, и я подумал: наверно, ему ужасно больно, да еще от страха перед грозившей ему смертью он совсем обессилел. Но оттого, что такой инвалид привык переносить сильные боли (а к ним невольно привыкаешь, когда у тебя вместо собственных ног, из костей, из мяса, голько деревяшки), может, потому он не плакал, не ныл, не вскрикивал, не стонал — вообще не жаловался, — наоборот, он был так счастлив, что я его спас, взял на закорки, скрестил у себя на животе его сломанные протезы, и хотя мне казалось, что мой груз стал раза в три, в четыре, а то и раз в десять тяжелее, я все же старался как можно скорее выбраться из леса и выйти к Фёдингу.

О том, что он, Полдурек, может еще до двенадцати попасть в Фёдинг и выиграть пари у мельника — а тот, как было условлено, наверно, приехал туда в обход по дороге и ждал соперника, — об этом он, Полдурек, уже и не думал. Он, как видно, даже вспоминать об этом не рвался, но я сам вдруг взглянул на часы — было ровно полдвенадцатого — и почувствовал, что мы, то есть я и сидящий у меня на спине Полдурек, можем к двенадцати часам поспеть в Фёдинг, и я прибавил шагу, хотя, зная, что меня ждет мой больной, и так шел довольно быстро, но тут я побежал вволю, бегом понесся через лес, а на спине у меня сидел человек, который, как все безногие, был весь какой-то обмякший, словно бесконтактный. И его сломанные деревянные скрипели, то трещали, то похрустывали, а сам он оттого, что я так быстро бежал, ни слова не вымолвил. И только когда мы выбрались на опушку и вдаль показались огни Фёдинга, он сказал: «Кажется, это Фёдинг?» А я ему: «Ну, да! Конечно, это Фёдинг, да да, Фёдинг!» И тут он спросил: есть ли уже двенадцать? «Да нет же, — говорю, — еще не пробило». А сам бегу, бегу, чуть сознания не теряю, и тут Полдурек говорит, что они с мельником условились встретиться в Фёдинге у церковных ворот. «У ворот? — говорю. — Вот удачно, мой больной как раз там живет, рядом с церковью!» И уже подбегаем к церковным воротам, и я говорю: «А двенадцати еще нет!» — бросаюсь к входу, а там уже и вправду стоит человек — высокий, черный, сейчас, думаю, брошу этого Полдурака прямо ему под ноги, только бы не ушибить беднягу. Сбросил я его, а тут и пробило двенадцать. И лежит мой Полдурек перед мельником и с полным правом протягивает к нему руку за деньгами.

Мельник, конечно, растерялся, но, когда я назвал себя, да еще гаркнул на него как следует, он, этот толстый черный мельник, вытащил свой толстый черный бумажник, видно, просто средин, а не то чтобы признал, что пари-то он проиграл, — и тут же отсчитал прямо в руку лежащему перед ним Виктору Полдурку ровно восемьсот шиллингов.

«Что ж, пари так пари», — сказал мельник, хоть он никак не рассчитывал, что кто-то подберет этого Полдурака да еще победит с ним до Фёдинга. Мельник, по его словам, гроша медного не дал бы за его жизнь. Говорит, что его просто ошарашило, когда тот сам предложил заключить пари.

«Вот не думал, что я этого Полдурака живым увижу! — сказал мельник и уже на ходу добавил: — Ох уж эти мне доктора... Вечно лезут не в свое дело!» — и скрылся.

Я снова взвалил Полдурака на плечи, зашел с ним вместе к своему больному — пришли мы как раз вовремя, — потом отнес его в соседнюю гостиницу, попросил, чтобы его там пристроили переночевать, заплатил за него вперед.

На этом наше знакомство и кончилось. Но на прощание Полдурек, к моему удивлению, стал меня горячо благодарить. «За что?» — спрашиваю себя, но по дороге домой, совершенно забыв, что он выиграл, получил восемьсот шиллингов, то есть цену самых лучших сапог у самого лучшего нашего мастера. Но протезы-то мои он загубил. А ведь они обошлись ему тысячи в две с половиной. Ну что он за человек. Полдурек этот, думаю я, пробираясь домой по той же чащобе — а илти стало до того трудно, что казалось — пропаду. Странный он какой-то...

Перевела с немецкого Р. РАЙТ-КОВАЛЕВА